

Большая Химия

Владимир Березин

И
Есть экзотический опыт кол- лективного писательского тру- да — чаще всего это случается между братьями. Сестры в соав- торстве редки, количество книг, сообразных «на троих», ни- чтожно. Только раскроешь рот о соавторстве, как под ноги ро- няют золотого тельца верхом на стуле. В числе романов двад- цатых годов — где старое меша- ется с новым, бьет по ушам ба- рабанная пионерская дробь, время летит вперед, и повсюду бригадный метод. Был, в част- ности, такой роман — «Большие пожары». Его написали двад- цать пять человек, среди кото- рых Грин, Никулин, Свирский, Буданцев, Леонов, Либедин- ский, Никифоров, Лидин, Ба- бель, Березовский, А.Зорич, Новиков-Прибой, Яковлев, Ла- вренев, Федин, Ляшко, Алек- сей Толстой, Слонимский, Зо- шенко, Инбер, Огнев, Каверин, Аросев, Зозуля, Кольцов. Так вот, этот роман по частям раста- щили — обратно — по собран- иям сочинений соавторов. Кусоч- ек напечатали в «Науке и жиз- ни» лет сорок назад, в разделе «Собрание редкостей и курь- зов книжных». Потом часть текста появилась в «Новой Юности» в 2004 году.

Правда, купюры в тексте странны — вот пересказ содер- жания в одной из глав: «В городе Златогорске приезжий концесси- онер-иностранец Струк возводи- т странный огромный объект. Но городу не до того. В Злато- горске — эпидемия пожаров, может быть, поджогов. Дело- производитель Варавий Мигунов и репортер Берлога отыскивают в архиве губсуда старое дело №1057 о таких же событиях, происходивших в Златогорске двадцать лет назад. После по- жара в здании суда Мигунов, как потерявший рассудок, помещен в психиатрическую больницу. Уго- ловник Петька-Козырь похища- ет, по заданию неизвестных лиц, дело №1057. Берлогу заманива- ют в психиатрическую больни- цу... Женщина-химик Озерова при опытах обнаруживает лег- кую воспламеняемость бабочек- капутниц при известных хими- ческих условиях. Во время пожа- ра сумасшедшего дома трагиче- ски погибает Ванька Фомичев. На пожарище одного из златогор- ских домов, среди вытаскиваемых вещей, Берлога находит дело №1057. К Варавию Мигунову возвращается память. При по- мощи Мигунова и Берлоги Струк арестован».

«Большие пожары» появи- лись в 1927 году и печатались в «Огоньке» — недаром его редак- тор значится среди авторов и ит- ожит последней главой раз- гон персонажей.

II

Но двумя годами раньше быст- рыми и короткими выпусками, подобно пинкертеновым при- ключениям, выходил роман «Иприт». «Иприт» написали Виктор Шкловский и Вячеслав Иванов. Роман этот перепеча- тали сейчас — кажется, со всеми грамматическими и смысловы- ми ошибками.

А тогда, в двадцать пятом го- лу, Иванов уже написал свой «Бронепоезд», а Шкловский вернулся в СССР, будто вышел из окружения. Без ремня и по- гон, с поднятыми руками: он славился, все равно ожидая са- бельного удара, о котором сам

много писал, он пытался заслу- жить прощение, прикидываясь льном на стлище.

Сюжет «Иприта» вполне без- зумен: в СССР отправляется иностранный шпион, целью которого становится химиче- ское производство в городе Ипа- тьевске. Начинается мировая химическая война — сначала в Индии, а потом ее пожар пере- кидывается на территорию СССР. Капиталисты изобре- тают бессонный газ, чтобы рабо- чие производили больше отрав- ляющих веществ. Разрушенная Европа зарастает чертополохо... (привет атаману Краснову), то есть орешником. Все граждане Советской России ходят лысые, потому что боевые газы накап- ливаются в волосах.

Герой-попрыгунчик — смесь Бендера и Шельги, перемеща- ется по странам и континентам вместе с ручным медведем. Но авторство вдруг летит в окна и двери — вот герой спит в лон- донских апартаментах, закрыв лицо газетой: «Ах, дорогой чита- тель, и никогда-то мы не позна- комимся. Где ты? Кто ты? Что думаешь, когда читаешь, как прожил войну и революцию? За- метил ли ты, как спит солдат на войне? Я тебе скажу как, а ты проверь на знакомых. Солдат спит, закрыв голову шинелью, и эта привычка остается у него на много лет. Солдат может и ноги оставить незакрытыми, а голову покрывает непременно».

Почему это — я не знаю. Мо- жет быть, он привык спасаться от сора казармы и сырости око- на, или ему нужна духота, чтобы легче заснуть... но войне иногда трудно заснуть... не знаю, но я всегда отличу по способу спать оконного солдата. Словохотов встал, чтобы взять газету и по- крыть ею свое лицо».

Если кто не угадал, кто из соавторов писал это, — тот ни- когда не читал Шкловского.

При этом соавторы, работая с колес, не заботились вычит- кой. Тут налицо явление психо- терапевтического выговарива- ния. Но Иванов сделал еще ин- тереснее — он засунул внутрь романа убитого персонажа своей знаменитой пьесы.

Но и это еще полдела. Среди прочего в романе «Иприт» есть маленький рас- сказ об уничтожении Москвы. Мне так нравится, как он сде- лан, что я приведу его почти це- ликом: «Москва. Тьма. Снега. Человек в солдатской шинели с двумя ромбами на рукаве, мерт- вый, стоит у памятника Марксу на Театральной площади.

Человек с двумя ромбами, когда он был жив, видел и даже принимал участие, встречая вместе с русскими самолеты ев- ропейские...»

Англичане и французы были отбиты.

Обрадованные толпы народа загрохотали улицы. Тогда-то чело- век с двумя ромбами раскрыл га- зету с воззванием Моссовета, прислонился к памятнику Марк- са и хотел читать. Над площа- дью, как веселым цветным смирнским ковром, покрывтой людьми, пронесся цилиндриче- ский грушевидный аппарат, стук- нулся в портал Большого теат- ра, свалил будку с афишами и вдруг рассыпался, как спелый упавший плод с дерева.

Сначала из него вывалилась студенистая масса. Она сразу растаяла и потекла жидкими струйками в обезумевшую от

Иванов В.В., Шкловский В. Б. Иприт.

СПб.: Ред. Фиш, Амфора, 2005. — 399 с. 4000 экз. (п) ISBN 5-483-00092-7

ужаса толпу.

Человек с ромбами спокойно проговорил:

— Успео ли я закурить перед смертью?

Какой-то старичок напря- женно крикнул ему в лицо:

— Перед смертью! Что значи- тель перед смертью, товарищ?

— Мы имели сведения — ан- гличане изобрели управляемые ра- диоволнами снаряды. Мы этому не верили. А теперь амба.

— А что значит амба?

— Амба — значит конец.

Но хилому старичку не уда- лось дослушать конца фразы. Он свернулся у ног человека с ромба- ми, у ног гранитного Маркса. Кровь неумело окрасила его се- деную бородку.

— Видно, не докурить, — ска- зал человек с ромбами.

Он выпрямился и умер так же прямо и легко, как гранитный Маркс прямо и легко рассматри- вал извивающиеся у его ног в смертных судорогах толпы.

Человек с ромбами был това- рищ Новоселов, комендант горо- да Москвы».

Вот она, дорогие товарищи, поэтика революции. И если сейчас по этому поводу можно скалиться, то в 1925 году это никак не «Марс атакует» — это все было несколько более серьезно. Вы вспомните фото- графию Буллы — где до гори- зонта стоят яйцеголовые в про- тивогазах. А если не увидеть в «Москва. Тьма. Снега» сходство с «В жирных темных полях слы- но шумят гаоляны. Медный ки- тайский дракон желтыми звеня- щими кольцами бьет в лесу. А в кольцах перекачиваются, грохочут квадратные серые коробки. На желтой чешуе дракона — дым, пепел, искры...»

Сталь по стали звенит, ку- ет!.. Дым. Искры. Гаолян. Тучные поля. Может, дракон китайский из сопки, может, из леса... Жел- тые листья, желтое небо. Гаоля- ны! Поля!» — это уж я не знаю, кем надо быть, чтобы не узнать Иванова. Что до «смирнских ко- вров» — это как раз Шкловский.

Так вот, Иванов из своего «Бронепоезда» импортировал в «Иприт» мертвого китайца. Там дело было вот в чем: китайца клали на рельсы, чтобы остано- вить, вернее, приостановить бронепоезд. В романе (не в пьесе) это было так: «...Тело кита- йца тесно прижалось к рельсам.

Сосны выкинули бронепоезд. Был он серый, квадратный, и злобно багрово блестя зрачки паровоза. Серой плесенью подер- нулось небо, как голубое сукно были деревья...»

И труп китайца Син-Бинь-У, плотно прижавшийся к земле, слушал гулкий перезвон рельс...»

Именно оттуда и приехал Син-Бинь-У, коммунистиче- ский китаец, сыщик и парик- махер, что потом окажется жен- щинной. Поймет это один из ге- роев, только женившись на ней и увидев, что она не любит хо- дить в баню. Потом сюжет сно- ва сделает китайца мужчиной, Син-Бинь-У отперется от по- двизгов и заявит, что не ложился под бронепоезд, а всю войну торговал семечками.

Надо сказать, что в конце Шкловский и Иванов вовсе распаяются: главный герой получает по почте пакет, где не- сколько червонцев, бланк Госиздата и «добрый десяток спра- вок. Сообщалось следующее: «Со- гласно воле погибших при атаке Москвы писателей Всеволода Иванова и Виктора Шкловского Госиздат РСФСР извещает вас, что вы имеете получить оста- ток гонорара за роман «Иприт» в сумме двадцать двух червон- цев». В финале романа окажется, что весь сюжет родился на болтовне главного героя, его исключат из рядов Доб- рохима, и погонит его судьба по сельской дороге.

Но тут спустится над ним ге- ликоптер, и люди в странной фиолетовой форме повяжут его вместе с китайцем, сверив лич- ность с фотокарточками.

Выдохнут фиолетовые толь- ко одно слово — «иприт»... И роман оборвется.

III

Про соавторов «Иприта» гово- рили разное. Один был похож на Будду, и это говорили мно- гие. Серапионовы братья назы- вали его «брат алету», а потом «сибирский мамонт». А родил- ся он под Семипалатинском, и это теперь — другая держава. Кроме того, слово «Семипала- тинск» вызывает совсем иные ассоциации — хотя, кажется, все забыли про русские атом- ные бомбы.

Фамилия этого писателя — Иванов, что требует в России уточнений: обязательного имене или, хотя бы, ударения.

Историк Семенов говорил, что советские писатели отлича- ются от всех остальных тем, что, если читать их собрания сочинений подряд, создается впечатление, что они пишут все хуже и хуже. Это было сказано в сороковых годах, и именно то- гда становится понятно, что имелись в виду те писатели, кто начинал в десятые и двадцатые и кого власть ломала об колено, превращая во что-то другое, за- ставляя переписывать уже на- писанное и расплываваясь за это — собраниями сочинений.

В своей статье, посвящен- ной Иванову, Шкловский по- ловину, если не две трети, отве- дит не ему, а проблемам школы, стили, работе формалистов, по- лемике с Троцким, цитирова- нию иных оппонентов. Потом он говорит: вот человек, кото- рый знает много языков. Он пишет по-сибирски, еще он пи- шет по-киргизски, по-самоед- ски, по-китайски он пишет. Вот они, детали, говорит Шклов- ский и перечисляет эти детали — солдата, сапфирно-золотис- тые снега, малиновых уток, зве- риное партизанское житье. Он цитирует «Бронепоезд 14-69» — не пьесе еще, а повести, где бе- лый бронепоезд китайским драконом идет через гаолян, и партизаны похожи на тех, от которых удрал пастернаков-

IV

Начинает казаться, что есть два типа соавторства в литературе —

В.В. ИВАНОВ и В.Б. ШКЛОВСКИЙ

Лицевая сторона папки для девяти выпусков первого издания романа

ский доктор. Пьеса мало похо- жа на повесть, и Шкловский о ней ничего не писал. Она мало похожа на повесть оттого, что в первой «руководящая роль Ком- мунистической партии была сла- бо показана писателем. При пе- ределке «Бронепоезда 14-69» для театра этот недостаток значи- тельно исправлен». Так удов- левительно учит Большая Со- ветская Энциклопедия — ее второе издание. История Сера- пионов кончилась, вернее, они стали историей.

Шкловский писал о себе сам — и писал лучше всех. Но в вос- поминаниях Даниила Гранина есть примечательная глава о Шкловском. Там, в частности, говорится: «Однажды в Риме мы собрались дотопить контактную водку. Так назывался ящик водки, который взяла с собой наша деле- гация для приемов, встреч и вся- ких контактов... Посреди пи- ршества Шкловский заявил, что он упилился и уходит к себе в номер. Он действительно стоял на но- гах уже не твердо. От провожа- тых отказался, для устойчивости опустился на четвереньки, заявив, что делает это всегда, ловко засеменил по полу — не то кабан, не то носорог. Вышиб сво- ей бритой ногой яйцовидной го- ловой, крепкой, как бульбужник, дверь, пробежал на четвереньках по гостиничному коридору к ве- ликому удовольствию встречных постояльцев. Он мчался, словно урожденное четверногое, до- вольно урча, не смущаясь, не об- ращая ни на кого внимания».

Эта картина — человек, про- живший восемь жизней, чело- век, книга которого в шестиде- сятые была в доме каждого ита- льянского интеллигента, ста- рый человек, которому нечего было терять, бежит на четве- реньках, как кабан, — не вызы- вает восхищения только у члена Общества Трезвости.

Я люблю Шкловского.

один позволяет сохранить ин- дивидуальность в тексте, другой сливается в единое целое всех, приложивших руку. По анало- гии с социальной антропологией это — салатная миска и пла- вильный котел. «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» сплавлены по всем металлурги- ческим законам. Причем обы- ватель сразу начинает искать главного в паре — все дело в том, что обыватель читал запис- ные книжки Ильфа, а Петрова не читал. Пары соавторов, не составляют ту проблему соав- торства, о которой идет речь. Интересно, как устроен текст, написанный тремя и более.

Я за салатную миску. За кол- лективную книгу, похожую на гроздь винограда — сцепленную веточками и держалками, но представляющую отдельные ягоды. Создать монолит можно, но интереснее текст, в котором различна капуста одного авто- ра, репа — другого, картошка — третьего. Ну, и крыса, которую принес Монморанси.

V

Надо, наконец, сказать об ип- рите — о том, что это такое. А это дихлорэтилсульфид, или как пишут — S(CH₂CH₂Cl)₂. Органическое, между прочим, соединение, которое было синте- зировано в 1886 году Зелин- ским, — у России очевидный приоритет. А началось это в ию- ле семнадцатого: топоним за- менил химическую скороговор- ку.

Технический иприт, как пи- шут в справочниках, масляни- стая жидкость темного цвета с запахом хрена или редьки. Проти- воипритные накладки дожили до конца Отечественной войны — из них шили киесеты и сумки. До конца войны начлимы руга- ли личный состав за утрату про- тивогазов.

Вот такая история у этого вещества — стойкого, кожно- нарывного отравляющего — си- нонима апокалипсиса для двад- цатых.